

Евгений Звягин

СМЕРТЬ ТУРУХТАНА

Прочтем басню, написанную в 1804 году молодым гусарским офицером.

Орлица, Турухтан и Тетерев

Орлица

Царица

Над стадом птиц была,
Любила истину, щедроты изливала,
Неправду, клевету с престола презирала.
Зато премудрое из птиц она слыла,
Зато ее любили,
Покой ее хранили.
Но наконец она всемогущею рукой,
По правилам природы,
Прожив назначенные годы,
Взята была судьбой,
А попросту сказать — Орлица жизнь скончала;
Тоску и горечи на птичий род нагнала;
И все в отчаяньи горчайши слезы льют,
Унылым тоном
И со стоном
Хвалят покойнице поэт.
Что сердцу горестно — легко ли то забыть?
Слеза — души отрада
И доброй памяти награда.
Но — как ни горестно — ее не возвратить...
Периаты рассуждают,
И так друг друга уверяют,
Что без царя никак нельзя на свете жить
И что царь у них, конечно, должно быть!

И тотчас меж собой совет они собрали

И стали толковать

Кого в цари избрать?

И наконец избрали...

Великий Боже!

Кого же?

Турухтана!

Хоть знали многие что нрав его крутой,

Что будет царь лихой,

Что сущего тирана

Не надо избирать,

Но должно было потакать -

И тысячу похвал везде ему трубили:

Иной разумным звал, иные находили,

Что будет он отец отечества всего,

Иные клали всю надежду на него,

Иные до небес ту птицу возносили,-

И злого петуха в корону наряжали.

А он

Лишь шаг на трон,

То хищной тварью всей себя и окружил:

Сычей, сорок, ворон - в павлины нарядил,

И с сев сволочью он тем лишь забавлялся

Что доброй дичью всей без милости ругался:

Кого велит до смерти заковать,

Кого в леса дальнейшие сослать,

Кого велит терзать сорокануту -

И всякую минуту

Несчастья каждый ждал,

Томился птичий род, стонал...

В ужасном страхе все, а делать что - не знают!

Виновны сами мы,- пернаты рассуждают,-

За наши каверзы, тираном сим вконец

Или за то, что мы в цари избрали птицу -
Кровоопийцу!

И в горести они летят толпой к леску
Размывать там свою смертельную тоску.
Не гимны, Турухтан, тебе дичина свищет,
Возмездия делам твоим тиранским ищет!
Когда народ стонет, всяк час - беда, напасть,
Перьяты, звать злодейств терпеть не могут доле!
Им нужен добрый царь, ты ж - гнусен на престоле!
Коль необуздан ты - твоя несносна власть!

И птичий весь совет решился
Чтоб жизни Турухтан и царствия лишился.
К такому преступить гораздо делу трудно!
Однако как же быть?

Казалось многим то безумно,
Но чем иным переменить?
Ужасно действие, и пропасть в нем греха!
Да, как ни есть,
Свершили мечь -
Убили петуха!

Не стало Турухтана -
Избавились тирана!
В восторге, в радости все птицы вне себя,
Злодея истребя,

Друг друга лобизают
И так болтают:

"Теперь в спокойствии и неге заживем,
Как птицу смиришь на царство выберем!"
И в той сумятице на трон всяк предлагает:
Кто гуся, кто сову, кто курицу желает,
И в выборе царя у всех различный толк.

О рок!
Проникнуть можно ли судеб твоих причину?

Караешь явно ты пернатую дичину!
И вдруг сомкнулись все, во всех местах запели,
И все согласно захотели,
Чтоб тетерев был царь.
Хоть он глухая тварь,
Хоть он разиня бестолковый,
Хоть всякому стрелку подарок он готовый,-
Но все в надежде той,
Что Тетерев глухой
Пойдет стезей Орлицы...
Ошиблись бедны птицы!
Глухарь безумный их -
Скупяга из скупых,
Не царствует - корнит над скопленной добычью
И управлять другим несчастной отдал дичью.
Не бьет он, не клвет,
Лишь крохи бережет.
Любимцы ж царство разоряют,
Невинность гнут друг другу, срамцов обогащают.
Их гнусной прихотью кто по миру пошел,
Мног^а лишен гнезда - у них козь не нашел.
Нет честности ни в чем, идет все на коварство,
И сущий стал разврат во всем дичином царстве.

Ведь выбор без ума урок вам дал таков:
Не выбирать в цари ни злых, ни добрых петухов.

Сразу оговорюсь: несмотря на то, что на одном из списков этого стихотворения, дошедшем до наших дней, помечено, будто его кремольный автор был, якобы, сослан в Сибирь, ничего подобного с ним не произошло. Глухарь оказался добр и на этот раз и простил дерзкому итенцу его кремольные вирши. Их автором был двадцатилетний Денис Давыдов.

Мне кажется, что это стихотворение представляет определенный исторический интерес. Сквозь темноты и риторические ухабы басни проглядывают мысли и мнения, которые вряд ли можно считать принадлежащими только автору. Многие из россиян, живших на стыке трех царствований, разделяли эти мысли и мнения.

Легко догадаться, что речь здесь идет о трех русских государях: Екатерине Великой, Павле I и Александре I. В центре басни — фигура императора Павла.

Мой рассказ будет чем-то вроде реального комментария к басне.

Итак, в 1796 году умирает Екатерина II. О единодушной скорби русского общества после кончины императрицы сообщают многочисленные мемуаристы того времени. Эта скорбь выражена в стихотворении:

И все в отчаяньи горчайши слезы льют,
Унылым тоном
И со стоном
Хвалят покойнице поэт.

Но вот развеялся сладкий ладанный дым, отзвучали заупокойные молитвы, прах императрицы рядом с телом нелюбимого мужа покоится в мраморном саркофаге собора Петра и Павла, и перед изумленной русской публикой вырастают черты нового, странного царствования. Очень скоро недоумение сменяет ропот откровенного недовольства.

В чем же дело? Чем же не угодил новый русский царь своим подданным?

Выясняется: запрещено ношение жилетов и круглых шляп.

Если встретишь на улице императора, останавливай карету, и, выйдя из нее, приветствуй своего суверена.

Если он отдал приказание, отнюдь не подвергай таковое обсуждению, но исполняй беспрекословно.

Гвардейскому офицеру, вместо красного или голубого мундира с галунами, носить куций темнозеленый, на манер прусского. — Зачем так? Коса не тесак, а я ведь не немец! —

восхищает знаменитый екатерининский военачальник.

- Не рассуждать! А иначе - в ссылку! - отвечает император, если не лично, то, все же, достаточно убедительно. Для меня князьмах вельможа лишь тот, с кем я говорю, и только тогда, когда я с ним говорю!

Откуда-то из гатчинских порковылазили и командуют, словно природные павлины, - сичи, сороки, вороны... Прошу прощения, безредные гатчинские унтеры. Потянулась длинная цепь рыдванов и колямаг, колясок, карет и визави - в родовые имения, в Сибирь - в ссылку. Едут в них и военные и статские...

Черному люду - различные послабления. Солдатам, несмотря на муштру - сытный паек, частые денежные раздачи. Прощения императору - отаточное ли дело? - можно подавать непосредственно, в обход длинной цепи присутственных учреждений. Пробуксовывает четко отлаженная машина личных воздействий на императора его небескорыстным окружением.

Это ли не тиранство?

А ведь были люди прозорливые, и во главе их стояла блаженной памяти матушка императора! Они хотели заведомо обуздать подозрительного престолонаследника! Коль несобуздаи ты - твоя несносна власть!

Сообщает Николай Александрович Саблуков, в те времена кавалергардский полковник:

"Достоверно известно, что последние годы царствования Екатерины между ее ближайшими советниками было решено, что Павел будет устранен от престолонаследия, если он откажется присягнуть конституции, уже начертаной...

Слово "конституция",... не должно быть, однако, понимаемо в обычном слишком употребительном смысле парламентского представительства, еще менее - в смысле демократической формы правления. Оно обозначает здесь великую хартию, благодаря которой верховная власть императора перестала бы быть самодержавною..."

Остановимся на этой цитате. Парламентское представительство - отпадает. Демократическая форма правления - тоже: демос до нее еще не дорос. Что же остается?

Остается- власть олигархии, правление "лучших людей". Вот куда, оказывается, простираются замыслы аристократии.

Что же на деле? На деле- командование исполнительных и небесталанных, но, увы, социально чуждых исполнителей монаршей воли, вроде Аракчеева, выбившегося из мелкопоместных дворян:

"Надо сказать правду,- вспоминает современник описываемых событий,- что он был искренне предан Павлу, чрезвычайно усерден в службе и заботился о личной безопасности императора. У него был большой организаторский талант и во всякое дело он вносил строгий метод и порядок, которые он старался поддерживать строгостью, доходившей до тиранизма. ...При вступлении на престол императора Павла он был произведен в генерал-майоры, сделан шефом Преображенского полка и назначен петербургским комендантом...

Он был назначен начальником всей артиллерии, в какой должности оказал большие услуги государству... /широко известно, что во время Отечественной войны 1812 года русская артиллерия, поднятая Аракчеевым, успешно соперничала с наполеоновской/. ... Был беспристрастен в исполнении суда и бережлив на казенные деньги."

Итак, Аракчеевы процветают. В то же время, представители лучших родов терпят опалу, ссылку. Да оно и не случайно. Избалованные веком женских царствований, забывшие о дисциплине, они не могут угодить монарху, который долго своим нечитает покончить с безрядьем и распущенностью, властью временщиков и прихлебателей, возвышавшихся отнюдь не всегда благодаря государственным талантам...

"Легко себе представить положение тех семейств, сыновья которых были офицерами в ту эпоху,- пишет Саблуков,- они, естественно, находились в постоянном страхе и тревоге, опасаясь за своих близких, так что можно без преувеличения сказать, что в царствование Павла I Петербург, Москва и даже вся Россия были погружены в посто-

янное горе."

Вся Россия... Неужто ВСЯ? Оказывается, что, вроде бы, нет, не вся... Подтверждение этому находим в словах мемуариста, вилотную следующих за приведенной цитатой:

"Несмотря на то, что аристократия /заметьте- аристократия!/ тщательно скрывала свое недовольство, чувство это, однако, прорывалось иногда наружу, и во время коронации, в Москве, император не мог этого не заметить.

Зато низшие классы, "миллионы", с таким восторгом приветствовали государя."

Итак, его ненавидели. Как пишет Адам Чарторыйский, человек недлишнего политического ума, "его ненавидели даже за добрые его качества, хотя в глубине души он искал правды и справедливости и нередко в своих гневных порывах карал справедливо и верно. Вот почему в его кратковременное царствование русские чиновники допускали менее злоупотреблений, были более вежливы, держались начеку, менее грабили и были менее заносчивы, чем в предыдущие и последующие царствования"...

Ну что ж, подытожим. В армии, а особенно в гвардии, Павел I добивается пусть прусской, пусть жесткой, но ДИСЦИПЛИНЫ.

В гражданских делах стремится навести ПОРЯДОК, навизирая на лица. Но от дисциплины-то и порядка правящие классы отыклись! Не могут они перестроиться в одночасье! Безродные гатчинцы-то оказались, вроде бы, попонятливей. Вот и получается, что злая птица, Турухтан, со многими жесток и немилостив:

И с сев сволочь он теи лишь забавлялся
Что ДОВРОЙ ДИЧЬЮ всей без милости ругался:

Кого велит до смерти заковать,
Кого в леса дальнейшие сослать,
Кого велит терзать сорокапуту -

И всякую минуту

Несчастий каждый ждал,
Томился птичий род, стонал...

Ужасная картина! Да вправду, таков ли был в веках ослабленный Турухтан? Вспоминает княгиня Ливен. Она принадлежала к семье, весьма приближенной к императорской, хорошо знала императора Павла.

"Император Павел был мал ростом. Черты лица имел не-красивые за исключением глаз, которые у него были очень красивы; выражение этих глаз, когда Павел не поддавался под власть гнева, было бесконечно доброе и приятное... Хотя фигура его была обделена грацией, он далеко не был лишен достоинства, обладал хорошими манерами и был очень вежлив с женщинами; все это запечатлеvalo его особу истинным величием и легко обладало в нем дворянина и великого князя. Он обладал литературной начитанностью и умом бойким и открытым, склонен был к шутке и веселию, любил искусство; французский язык и литературу знал в совершенстве...."

Однако, при всем его обаянии, Павла 1 ненавидят. Он вззошел на престол с новой, принципиально отличной от предшествовавших, концепцией власти, выношенной за долгие годы материнской узурпации. Суть ее — РАВЕНСТВО всех сословий и персональное равенство перед наделенной божественными полномочиями волею императора. Ни происхождение, ни личное обаяние, те "заслуги и добродетели", которые прославляются надписью на памятнике Ланскому, одному из последних фаворитов императрицы Екатерины, не играют в глазах государя решающей роли. И несмотря на то, что эта точка зрения укоренилась и расцвела в последующих царствованиях, сейчас она выглядит почти столь же абсурдной, как неудавшаяся религиозная реформа фараона Эхнатона, предпринятая за тысячи лет до Павла. Короче, на троне укрепилась и отдает возмутительные приказы политическое ИНАКОМЫСЛИЕ!

Естественная реакция представителей господствующего взгляда: тот, кто мыслит иначе, — есть СУМАСШЕДШИЙ!

Примеров подобной реакции консервативного большинства мы встретим в истории немало, одним Чаадаевым здесь не

ограничиться. Говорит Адам Чарторийский:

"Все, т.е. высшие классы общества, правящие сферы, генералы, офицеры, значительное чиновничество, словом, все, что в России составляло мыслящую и правящую часть нации, было более или менее уверено, что император не совсем нормален и подвержен болезненным припадкам."

Итак, на троне сидит сумасшедший. А раз так, значит, Отечество в опасности! И не своим корыстными целями послушны мы, замехнувшись на жизнь царя, которому присягали пред алтарем, а — благу народному! Вот в чем психологическое оправдание зреющего заговора. Вряд ли этот мотив был решающим для лукавца и карьериста фон Палена, но и Никита Панин, человек, казалось бы, высокого государственного ума, разделяет это расхожее мнение. И в письмах наследнику, в долгих конспиративных беседах с ним где-нибудь в ванной комнате личных покоев Александра настаивает на его правильности. И более того — ему удастся убедить Александра. Безумец должен уйти со сцены. Для блага России.

Я не берусь судить, был ли готов наследник престола санкционировать убийство собственного отца. Даже если это и так, он никогда бы не высказал это напрямую — слишком тонким дипломатом он был. Но на смещение Павла с престола он согласился — и в этом согласии проявляется вся сила общего мнения.

Итак, в высших классах общества, особенно в гвардии, для которой привычны подобные дела, зреет заговор против верховной власти:

И в горести они летят толпой к леску
Размыкать там свою смертельную тоску.
Не гимны, Турухтан, тебе дичина свищет,
Возмездия делам твоим тиранским ищет!
Когда народ стонет — всяк час беда, напасть,
Пернаты, зная, злодейств терпеть не могут боле!
Им нужен добрый царь — ты ж гниешь на престоле!

Коль необуздан ты - твоя несносна жилая власть!

И птичий весь совет решился

Чтоб жизни Турухтан и царствия лишился.

К такому преступить гораздо делу трудно!

Однако как же быть?

Казалось многим то безумно,

Но чем иным переменить?

Ужасно действие, и пропасть в нем греха!..

Приведенные мною строки - лишнее свидетельство того, насколько укоренился в русском образованном обществе и взгляд на Павла, как на "необузданного тирана", "злодея", и т.д., взгляд, родившийся как от непонимания того, что в его так называемых безумствах была своя и довольно фундаментальная логика, так и от слишком хорошего понимания этого факта. Но молодой гусар не анализирует эту точку зрения, принимает ее как данность.

"Ужасно действие". Однако, находятся его идеологи, находятся и его рьяные исполнители. Главарь заговора фон Пахен, в моменту его исполнения совмещавший должности генерал-губернатора, заведующего почтовым ведомством и ведомством иностранных дел, мыслил слишком реалистически, чтобы не понимать: императора надо УБИТЬ, иначе заговорщикам придется несладко. Однако - "ужасно действие". И для того, чтобы заглушить голос совести, дремлющий в исполнителях заговора, он основательно поднаизвает их, а потом посылает в Михайловский замок со словами: "Господа, для того, чтобы приготовить оmlет, надо разбить яйца!"

Вскоре рождается и другая крылатая фраза, свидетельствующая о том, что отношение общества к заговору все же было однородным: "пьяные цареубийцы".

Итак, пьяные цареубийцы врываются в императорские покои. Передаю слово современнику описываемых событий, рассказ которого, как мне кажется, звучит наиболее достоверно:

"Князь Платон Зубов, действовавший в качестве орато-

ра и главного руководителя заговора, обратился к императору с речью. Отличавшийся, обыкновенно, большой нервностью, Павел, на этот раз, однако, не казался особенно возбужденным и, сохраняя полное достоинство, спросил: что им всем нужно?

Платон Зубов отвечал, что деспотизм его сделался настолько тяжелым для нации, что она приняла требовать его отречения от престола.

Император, преисполненный искреннего желания доставить своему народу счастье, сохранять нерушимо законы и постановления империи, и водворить повсюду правосудие, вступил с Зубовым в спор, который длился около получаса и который принял, в конце концов, бурный характер. В это время те из заговорщиков, которые слишком много выпили шампанского, стали выражать нетерпение, тогда как император, в свою очередь, говорил все громче и начал сильно жестикулировать. В это время штальмейстер, граф Николай Зубов, человек громадного роста и необыкновенной силы, будучи совершенно пьян, ударил Павла по руке, и сказал: "Что ты так кричишь!"

При этом оскорблении император с негодованием оттолкнул левую руку Зубова, на что последний, сжимая в кулаке массивную золотую табакерку, со всего размаху нанес правой рукой удар в левый висок императора, вследствие чего тот без чувств повалился на пол. В ту же минуту француз-камердинер Зубова вскочил с ногами на живот императора, а Сварятин, офицер Измайловского полка, сняв висевший над кроватью собственный шарф императора, задушил его им. Таким образом его прикончили."

Не стало Турухтана -
Избавились тирана!

Пусть теперь запоздалые мемуаристы сообщают, что он искал правды и справедливости, что никогда у него не проявлялись следы "умственной аберрации". Поздно. По рецепту фон Палена и огромного числа сочувствующих ему - ослет

изготовлен. О мертвом никто не покажет. Рябит на питерских улицах от жиметов и круглых шляп...

Впрочем, неужели совсем никто? Кое-кто, все-таки, покажет. Покажет радищевский крестьянин из книги "Путешествие из Петербурга в Москву". Он может теперь не работать по воскресеньям - Указ о трехдневной барщине, подписанный императором в 1787 году, позволяет ему три дня в неделю работать и на своем поле... Покажут раскольники, которым Павел I даровал право публично отправлять богослужение и иметь свои церкви и общины... Покажут те самые "миллионы", о которых уже упоминалось в нашем рассказе.

"Довольно ребячиться, ступайте царствовать!" - небрежно бросает фон Пален новому императору. И в этой фразе чувствуется та снисходительность, тот легкий оттенок пренебрежения, который, несмотря на скорое удаление Палена, надолго застрял в отношении к Александру его подданных. Последняя часть басни, рисующая начало нового царствования, несмотря на ее особенно риторический характер, об этом свидетельствует.

Что же касается честолюбивых замыслов заговорщиков, то они никак не оправдались. Разбросанные по дальним армейским гарнизонам, по своим родовым гнездам, они забыты и презрены. Николай Зубов, словно Святослав Окаянный, мечется из страны в страну, стараясь заглушить муки совести и подающий огонь неудовлетворенного честолюбия.

Таков финал этой невеселой истории.

Весть о безумии Павла - аристократическая легенда, перенятая позднейшими историкографами.
